

Глава 1

ЧЕТВЕРТЫЕ

Берлин, 1927 год

— Вы вся дрожите, милая Мари. Позвольте предложить вам бокал шампанского.

Аделаида отвернулась от окна, за которым сияла огнями Потсдамская площадь, подошла к сервировочному столику и налила шампанского в бокал. Она все еще не сменила цирковой наряд — длинное, в пол, платье, расшитое блестками, и серебряная тиара с белым пером страуса. С ее полных плеч свисало боа, подобное сверкающей змее.

Когда Мария Кораллова пила шампанское, ее зубы стучали о край хрустального бокала. Она до сих пор находилась в шоке от того, что случилось в знаменитом берлинском цирке Пауля Буша всего час назад на ее глазах.

В страхе она выбежала из цирка в октябрьскую берлинскую ночь — без пальто, без шляпки, без мужа — тот остался в цирке. Возможно, он даже и не попытался ее разыскать в тот момент, когда публика вскочила с мест и ринулась к выходам, насмерть перепуганная начавшимся кровавым кошмаром на манеже за прутьями крепкой решетки. Хотя нет, все произошло не так уж быстро — паника, бегство... Какое-то время они все — и зрители, и цирковые за кулисами — пребывали в ступоре, в полном оцепенении, не в силах оторвать глаз от арены.

Возле служебного циркового входа остановился мотор. За рулем была сама Аделаида, она молча открыла дверь, и Мария покорно забралась в роскошный «Роллс-Ройс».

Аделаида привезла ее в гранд-отель «Эспланада» на Потсдамской площади. Она снимала в бельэтаже длинную анфиладу комнат. Рядом находились апартаменты кинозвезды Греты Гарбо. В честь премьеры ее нового фильма вечером в саду знаменитой «Эспланады» собирались устроить вечеринку с джазом и танцами. Но все смешалось, едва лишь телеграфное агентство и радио Берлина передали страшную новость о происшествии в цирке Пауля Буша.

— Они скажут потом — он сам виноват. — Аделаида пристально глядела на Марию Кораллову. — Они заявят: он совершил фатальную ошибку, выпустил свою тринадцатую. А у львицы этой как раз началась течка. Кто же выводит такую львицу к львам-самцам на манеж? Он добивался совершенства номера, наш укротитель Анделотти, вопреки всем цирковым правилам, да? — Она помолчала. — Вопрос только — что его заставило поступить столь опрометчиво?

Мария Кораллова вспомнила, как за кулисами цирка помощники укротителя Анделотти, выстроившие из клеток туннель, по которому на манеж шествовали одиннадцать львов и старая самка, выпущенные для выступления, сначала недоуменно переглядывались, а затем начали роптать, потом кричать, указывая в глубь льятника, где возился с ключами сам укротитель. Там в дальней клетке сидела отлученная от прайда тринадцатая львица.

Номер со львами делал сумасшедшую кассу цирку Буша. Однако даже цирковые артисты, много повидавшие на своем веку, открыто осуждали крайне жестокие методы дрессировки Анделотти, которыми он «укрошал» львов, приводя их к повиновению. Животных он запирали в тесных клетках, бил нещадно дубинкой, хлестал бичом. Его помощники часами поливали львов из брандспойта, приучая бояться и палки, и хлыста укротителя, и холодной воды. «Звезда программы» был законченным садистом. И все в цирке это знали.

— Что вы делаете, Анделотти? — тревожно спросил прибежавший на шум распорядитель манежа. — Вы что, забыли, какая она? Это нельзя, невозможно! Это опасно!

Укротитель Анделотти оттолкнул его. Мария видела, как он побледнел. Черная полоска щегольских усов... Взгляд...

Он сам подкатил клетку к железному туннелю, закрепил ее и открыл задвижку. Тринадцатая львица побежала в сторону манежа. А он вошел в туннель вслед за ней. Оглянулся...

Его глаза... Он смотрел в сторону двери. На пороге львятника стояла Аделаида. На плече ее сидел цирковой ученый ворон.

В тот миг Мария Кораллова испытала дикий, почти первобытный страх. Причину его в тот момент она не могла себе объяснить.

На манеже ждали львы. Цирковой барабан ударил дробь. Публика аплодировала, когда укротитель Анделотти с бичом и палкой вышел из туннеля клеток. Номер начался эффектно. Дрессированные львы забрались на поставленные пирамидой тумбы. Укротитель шагнул к зверям и оказался в центре прайда. Его коронный номер — «Один среди львов». Львы сидели над ним на высоких тумбах, лежали у его ног, окружали его со всех сторон. Слева помещалась на тумбе та самая львица. Львы возбужденно принюхивались к ней, скалили клыки. И внезапно...

Лежавший у ног укротителя гривастый могучий лев вдруг перевернулся на спину и словно играючи захватил когтями сапоги Анделотти, потянул, пружинисто прынул вверх и вцепился прямо в живот укротителя.

Львы сразу напали на них обоих.

Кровавый клубок покатился по манежу.

Опрокинутые тумбы...

Истерические крики зрителей.

Львиное рычание...

Заполoshные холостые выстрелы из пистолетов помощников... Даже они не смогли заставить львов разбежаться. Не помогли и пожарные брандспойты.

В кровавом клубке на арене мелькали гривы, хвосты, лапы, ощеренные пасти, когти...

Мелькнуло, как в волнах, растерзанное тело с торчащими из алой венгерки сломанными, перекушенными ребрами...

Тринадцатая львица вырвалась из клубка, унося в пасти ногу в охотничьем сапоге...

— Не жалейте укротителя. Он был настоящий живодер. Черное сердце, как говорят у нас в цирке. Но вы, Мари, сами-то поняли, что произошло сегодня на манеже? — спросила Аделаида.

Перед глазами Марии всплыла картина — как они вошли в гранд-отель «Эспланада». В мраморном холле у стойки висели афиши. Самая яркая и кричащая изображала ее, Аделаиду Херманн, в костюме одалиски, с воздетой над головой рукой, сжимающей кривой ятаган. Рядом обезглавленное женское тело — на коленях с протянутыми в мольбе руками. Отсеченная женская голова на пьедестале. Нежная довольная улыбка на мертвых (или живых?) губах. Сверху среди гирлянд и цирковых огней парит скелет с зеленым венком.

Кого он собрался увенчать лаврами?

Надпись: Аделаида Херманн. Женщина-факир. Великая магия. Спешите видеть!

— Я не знаю, что вам ответить, Аделаида, — произнесла Мария. — Я боюсь ошибиться. И страшусь даже предположить...

— А вы не бойтесь, милочка.

Они говорили по-французски. Мария с гимназических времен отлично знала этот язык, Аделаида Херманн владела им как родным. Кажется, она была англичанка, но, как знала от мужа Мария, большую часть жизни провела

в Америке. Впрочем, Аделаида говорила и по-немецки как немка, и по-итальянски как итальянка. И на венгерском, и на иврите. И с цыганами могла поддержать беседу на их языке. И читала тексты на латыни и староарамейском.

В холле гранд-отеля «Эспланада» возле ее афиши ждал штурмовик в коричневой форме — высокий блондин с военной выправкой.

— Вальтер, не сейчас, приходите в другой раз, сегодня я занята, — бросила ему Аделаида Херманн, ведя оробевшую Марию Кораллову к лифтам. И он кивнул, шелкнул каблуками по-военному.

— Вальтер Штеннес, — сказала Аделаида в лифте Марии. — Далеко пойдет парень... Милочка, вы тоже будьте готовы, что *такие, как он и ему подобные*... я имею в виду политиков, фанатиков, секретных агентов и просто авантюристов с большими амбициями... Они станут потом приходиться и к вам. Просить вас, намекать, даже требовать... Ну если все же вам суждено ступить на наш общий путь.

Сейчас в номере с окнами на Потсдамскую площадь, наблюдая за потрясенной Марией, Аделаида Херманн словно заново оценивала ее, оглядывая с головы до ног. Она как будто выбирала, прикидывала, рассчитывала что-то в уме.

— Вы когда-нибудь слышали о Четвертых? — спросила она.

— Нет. — Мария поставила пустой бокал на столик у дивана. Шампанское ударило ей в голову.

— А про апостола Симона Зилота знаете?

— Да, читала в детстве Писание. Мой отец был священником. Архиереем.

— Как интересно. А вы, дочь священника, начали карьеру в кордебалете?

— Я сбежала из дома в пятнадцать лет. Бросила гимназию. Поступила в Петербурге в кафешантан. Я выступала на

«Вилле Роде», был такой знаменитый ресторан с эстрадой до революции у нас... там, в Петрограде.

— Да, вы мне говорили в прошлую нашу встречу год назад в Гамбурге. Вы с мужем познакомились на эстраде?

— На «Вилле Роде», он выступал с номерами как иллюзионист.

— Ваш муж — дальний родственник покойного Пауля Буша, тот мне сам говорил, ревельская родня. Ваш супруг ведь немец? Он не вернется назад в Советскую Россию? Он уехал... точнее, бежал от чекистов и большевиков.

— Я не интересуюсь политикой. А муж... нет, он не вернется. Он меня фактически бросил. У него другая женщина. Он останется в Германии с ней. А мне надо возвращаться домой. Я здесь одна уже не заработаю на кусок хлеба. Мне двадцать девять, я стара для кабаре. А в цирке... с сегодняшнего дня я, кажется, ненавижу его.

— Муж вас разлюбил, Мари? — Аделаида Херманн подошла близко, протянула руку и коснулась ее щеки. — А вы ведь его спасли, как мне рассказывал Пауль Буш. Тот поединок в Петербурге... Говорят, самая последняя дуэль в России перед тем, как большевики совершили свою революцию. Ваш муж, цирковой артист, фокусник... он тогда ходил еще в женихах, схватился за пистолет... Тот второй дуэлянт — адъютант великого князя... Буш говорил мне, что на месте адъютанта должен был быть сам князь, однако, конечно, это невозможно... Стреляться члену царской фамилии из-за девчонки из кафешантана. Адъютант был меткий стрелок, он бы убил вашего жениха с первого выстрела. Но там ведь что-то случилось, Мари? Там, на берегу Финского залива. Вы же приехали на место дуэли, примчались в страхе за своего жениха. Адъютант стрелял в него, а попал в своего секунданта, который стоял в трех шагах, почти рядом. Станный какой выстрел, пуля изменила направление почти под углом в девяносто градусов и вернулась...

Мария Кораллова молчала.

— Вы ведь знаете о Ловцах пуль. — Аделаида Херманн усмехнулась.

— Вы сами Ловец. Муж рассказал мне, как вы делали номер в молодости. В Чикаго поймали все шесть пуль, повергнув зрителей в шок и трепет.

— Говорят, что в нашей профессии факиров такой номер — как пропуск в некий высший круг посвященных. Тот бедный китаец Чунг Линг хотел сделать как я... Самонадеянный дуралей... Конечно, он погиб. Он ведь не был Четвертым. После его смерти номер запретили в цирках повсеместно. Это нельзя повторить, понимаете? Есть вещи, не поддающиеся ни подражанию, ни профессиональной тренировке. Врожденный дар, либо он есть, либо его нет. У вас, милочка... Ответьте мне откровенно, вы что-то сделали тогда, в сентябре семнадцатого года, на берегу залива, когда ваш жених стрелялся из-за вас, когда пуля вернулась назад, нарушая все законы баллистики?

— Я... нет... да что вы... Нет! — Мария ощутила, как внутри ее загорается свет... огонь — тот самый, дикий, пугающий, властный, опаляющий ее ум и сердце. — Нет, это фантастично и глупо звучит! Невозможно! Я никогда даже не думала... Все вышло случайно!

— Случайно?

Пауза.

— Нынешнюю трагедию в цирке со львами, сожравшими укротителя-живодера, тоже назовут случайностью, — произнесла Аделаида Херманн. — А я говорю вам сейчас — я сделала это для вас. Наглядная демонстрация, милочка.

Мария Кораллова воззрилась на нее.

Страх... ужас... но и восторг. Великое искушение... Почти экстаз. Она знала... нет, конечно, не знала... подозревала, но...

— ЧЕТВЕРТЫЕ. — Аделаида Херманн спустила боа из перьев со своих полных дряблых плеч. — Вам, возможно,

расскажут разный вздор. Не слушайте. Это не имеет никакого отношения к иудаизму. Новые Четвертые идут дальше... Возможно, со временем мы... они уйдут так далеко, что нельзя будет уже вернуться... Или деградируют. Что тоже возможно. Великое искусство подвержено деградации. Но не в вашем случае, Мари.

— Я не могу выразить то, что чувствую сейчас, — честно призналась Мария Кораллова. — У меня просто не хватает слов. Но я... я вами восхищаюсь! Я в полном ужасе, но я восхищаюсь. Я склоняюсь ниц... И я готова... Вы только не считайте меня сумасшедшей, пожалуйста!

— А вы — меня. — Аделаида Херманн мягко и хищно улыбнулась. — Итак, с мужем вы расстаетесь. Любовь, дуэль, чудесное спасение, риск, жертвенность оканчиваются банальной мужской интрижкой на стороне и трусостью. Но вы в результате обретаете полную свободу. В Германии вам, конечно, нечего делать. Скоро здесь иностранцам придется несладко. Грядут большие перемены, Мари. Так что будьте готовы. Ваша жизнь станет иной. Но вам придется сменить имя.

— Сменить имя?

— Я сама вам его выберу. Таков обычай Четвертых. Имя, несущее тайный смысл. Я, например, *Prisca Loricata*¹, потом я вам переведу с латыни... после... Выпейте еще шампанского, вы вся дрожите.

Мария налила себе сама шампанского. Выпила. Снова наполнила бокал — осушила до дна.

— Вечеринку с танцами в саду в честь Греты Гарбо отменили. — Аделаида Херманн взяла ее за руку и повела из гостиной через свою спальню в ванную. — Все репортеры в цирке, газетчики уже подхватили сенсацию о кровавом

---

¹ *Prisca* — древняя, архаичная (*лат.*). *Loricata* — в зоологии обозначает класс рептилий (*лат.*). Можно перевести с латыни как «древний ящер».

ужасе на арене. В гранд-отеле «Эспланада» выпадает на редкость тихий вечер.

Огромная королевская ванная, в которой плескался еще кайзер Вильгельм, поражала роскошью — белый мрамор бассейна, фрески, колонны. Мария вспомнила ванную номера петербургского отеля «Европа», куда после выступления на «Вилле Роде» привез ее великий князь Дмитрий Павлович... Димочка... Ее, бывшую гимназистку и дочку архиерея, тогда поразил весь тот гостиничный шик и блеск...

— Искупайтесь, милочка, согрейтесь, — тоном добродушной тетушки предложила Аделаида Херманн, открывая кран.

Вода наполняла ванну-бассейн. Мария сняла туфли. Села на банкетку и начала стягивать чулки с ног. Аделаида наблюдала. Потом медленно направилась к выходу. Обернулась на пороге.

— У вас крепкие нервы, Мари? — спросила она.

Мария не успела ответить — дверь ванной уже закрылась.

Она разделась догола, опустилась в горячую воду. Сердце ее глухо билось. Она видела себя в зеркале ванной — обнаженная, хрупкая, темноглазая брюнетка. Она всегда выглядела намного моложе своих двадцати девяти лет. Атласная челка, стрижка, яркая косметика — цирковой макияж.

В ванной внезапно погас свет.

В полной темноте Мария погрузилась в горячую воду... Кап... кап... Вода из кранов... Кап... кап... Шорох...

— Кто здесь? — Мария вглядывалась во тьму.

Как душно... в ванной уже клубился пар от горячей воды.

Шорох...

Она ощутила, как ее снова колотит дрожь. Нет, нет, она не поддастся глупому мороку... магии... Боже милостивый, как же страшно... Но ведь ничего не происходит. Кругом царит тишина...

Тьма...

И во мраке... шшшшорох... шшшш шшшш... Дверь ванной бесшумно отворилась — в полосе света возник силуэт.

Мария смотрела на темную фигуру на пороге.

— Аделаида!

Чирк... спичкой о коробок.

Дрожащий маленький огонек осветил то, что пряталось во тьме.

Голая дряблая плоть. Женские широкие бедра, обвисшие груди, коричневые соски, шея...

— Аделаида!

Огонек спички погас.

Шаги... шлеп... шлеп... Некто в полной тьме шел прямо к ней, застывшей, оледеневшей в горячей ванне. Шшшш...

Плеск... некто осторожно, крадучись забрался в ванну...

Чиркнул спичкой о коробок — они не намokли. Огонек и...

Прямо у своего лица Мария увидела...

Коричневое... сморщенное... морда звериная... лицо... что-то не из нашего мира... нечеловеческое... жуткое...

Не помня себя, она заорала от ужаса. Рванулась из воды. И почувствовала, как цепкая рука сомкнулась на ее горле.

— Не кричи, — прошипел голос Аделаиды Херманн. — Это нельзя прервать. Иначе издохнешь!

Рука давила на шею, Мария ощутила, как ее топят. Последним усилием воли она заставила себя... не сопротивляться. Не бороться, не колотить ногами и руками по воде. Покориться... быть может, даже так встретить свою гибель... отдавая всю себя...

Она сразу ушла под воду с головой, а та, что ее топила, нырнула следом, ее ноги обвились вокруг Марии. Рука отпустила горло. Ее уже обнимали, выталкивали наверх. В полной темноте ванной они вынырнули. Мария хватала воздух ртом, дышала. Горячие руки снова обвились вокруг нее — словно старая хищная наядка поймала ее в свои сети.

Всплеск...

Шепот...

Гортанный клекот — невнятное бормотание на незнакомом языке... Ей что-то повествовали, рассказывали на ухо тайком по секрету... О Четвертых... О тех, что всегда идут дальше. И уже не могут вернуться назад.

Вдруг снова в ванной словно по волшебству зажегся верхний свет. Такой яркий, что стало больно глазам.

Мария Кораллова снова истерически закричала от ужаса. А потом ее крик оборвался.

Глава 2 **ВОРОНЫ**

Наши дни. Подмосковье

Ворона хрипло зло каркала в небе, затянутом тучами. Велосипедист, бодро кативший утром по лесной дачной дороге к речке, вскинул голову, рискуя угодить колесом в дорожную яму. Ворона выписывала широкие восьмерки в небе. К ней присоединилась другая, и еще одна, и еще. Они взмыли ввысь, четко выделяясь на фоне низких дождевых туч, словно мазки китайской туши, как тайные небесные знаки.

После небывалой летней жары погода в Подмосковье наконец-то сменилась, тучи напоззли с севера, однако не спешили пролиться дождем. Вороны в небе поднялись еще выше, а затем как по команде спикировали вниз, пронзая свинцовую пелену облаков.

Птиц что-то привлекало.

Велосипедист, несмотря на свой юный возраст, понял это сразу и ощутил прилив любопытства.

Дачная дорога пошла с холма под уклон — к реке. На берегу выстроились коттеджи. А справа от дороги на склоне

холма за высоким забором прятался отдельно выстроенный особняк — видны только крыша да макушки голубых елей, высаженных на участке.

Именно туда с небес, подобно камням, пущенным из пращи, мелькнув в кронах деревьев, буквально упали одна, две... четыре, шесть черных кладбищенских птиц.

Юный велосипедист резко остановился. То, что привлекало воронье со всей округи, находилось за забором на участке. А ворота и калитка — вот они, рукой подать. Велосипедист спешил, подкатил свой транспорт к забору. Он дернул на себя калитку — заперта. И ворота тоже. Глухой подмосковный забор, крашенный суриком — ни щелочки, чтобы взглянуть, что там за ним.

Велосипедист услышал громкое карканье и хлопанье крыльев. В тихий утренний час шум казался чужеродным, зловещим.

— Эй, хозяйева! — громко позвал велосипедист.

Ему никто не ответил. Лишь каркало воронье за забором.

Тогда, движимый неумным любопытством, дерзостью молодости и еще чем-то... возможно, неизвестно откуда взявшимся страхом и желанием задавить его в зародыше, парень примерился, подпрыгнул, подтянулся — и вот он уже на заборе.

Но разглядеть он ничего не смог — все заслоняли деревья и кусты. Участок был ухожен. Птиц велосипедист не видел — просторный двухэтажный дом заслонял весь обзор. Но парень слышал воронье. Оно хрипло каркало и, кажется, дралось там... за домом, за кустами сирени, вьющихся роз, многолетников, пышно разросшихся по всему участку с подстриженной травой.

Велосипедист спрыгнул на землю, оглянулся на закрытые ворота. Достал мобильный телефон, включил камеру и медленно двинулся вперед. За углом дома он сначала увидел маленький декоративный пруд и горбатый деревянный мостик, потом беседку, кусты и...

Садовые металлические кресла опрокинуты, их мягкие подушки упали в пруд. Возле вечнозеленых туй — большой деревянный стол, покрытый бумажной скатертью, разорванной в клочья. Бумажные полосы колыхались от утреннего ветра. Среди посуды по столу расхаживали, как хозяева, черные вороны — подскакивали, хлопали крыльями, клевали что-то с тарелок, сверкали агатовыми бусинами глаз.

А на траве у стола нечто похожее на шевелящийся черный шар... клубок...

Велосипедист замер, выбросив вперед руку с мобильным — камера его все снимала.

Шум... хлопанье крыльев, перья, пух...

Огромная стая птиц, облепившая нечто лежащее в траве, напуганная видом человека, оторвалась от своего страшного пира и взлетела.

Вороны, вороны...

Велосипедист выронил мобильный, согнулся, закрыл лицо скрещенными руками — он испугался, что птицы нападут на него, как в старом жутком фильме Хичкока.

Каркая, хрипя, галдя, стая взмыла в небо и закружила над участком.

Но много птиц осталось на земле. Некоторые были уже дохлые. Другие умирали, дергаясь в предсмертной агонии, колотя крыльями о траву.

Среди птичьих трупов покоилось мертвое тело.

Лицо было изуродовано, расклевано вороньем.

Мертвец смотрел на велосипедиста черными провалами глазниц.

Окровавленные руки с израненными расклеванными ладонями, словно со стигматами.

У ножки стола что-то белело. Женская льняная шаль... Темные кровавые пятна багровели на ткани, подобно сожженным зноем полевым макам.

Глава 3
СИЯЮЩИЙ ОГНЯМИ

Накануне

Некоторые события происходят одновременно, заставляя нас гадать — совпадение это либо некий знак, а может, подарок небес и намек на грядущее. Вроде бы трудно поверить, но попытаться все же стоит. Однако лишь жизнь покажет, как все сложится дальше. Будет ли путь легким или трудным и где впереди ждут крутые повороты, тернии и шипы.

Первый после небывалой жары, опалившей Москву, августовский вечер, когда можно наконец отключить все кондиционеры в квартире, распахнуть балконную дверь с видом на Москву-реку и Нескучный сад и вдохнуть полной грудью ветер, насыщенный запахами уже пролившихся где-то далеко дождей и пыли...

Стоя на балконе в льняной майке, таких же шортах и развевающимся на ветру льняном кимоно, Катя читала свидетельство о разводе, которое получила днем. Хотелось пустить лист по ветру — лети, лети, лепесток, через запад на восток... лишь коснешься ты земли... воды... стань корабликом на Москве-реке.

Ну вот и все. Они закончили с Драгоценным общую жизнь, свою историю. Он простил ее и отпустил. Простил ей все, в чем она была перед ним виновата. А ей не в чем винить его, она давно уже поклялась не высчитывать, не вспоминать его ошибки и промахи. Теперь все уже не важно. Драгоценный отпустил ее, дал ей свободу и даже ничего не забрал, только приумножил то, что когда-то у них было общее. Не только в смысле денег на жизнь... Хотя и в этом он остался щедр и добр. Когда-то она не знала,

куда деться, куда спрятаться от его великодушия. Но теперь эта страница жизни окончательно перевернута. А что впереди?

Она вернулась в комнату, выдвинула ящик комода и аккуратно положила свидетельство о разводе к остальным документам.

Включила очиститель и увлажнитель воздуха в спальне. Обычная вечерняя рутина. Пошла на кухню, налила себе холодного чая с мятой и лаймом из кувшина. Шлепая босыми ногами по полу, прошествовала в холл и отодвинула дверь гардероба.

Чистый минимализм в остатке. Кричащий надменный холодный минимализм. Черное, белое, синее. Деловые костюмы, белые хлопковые рубашки, черные шелковые рубашки, брюки, брюки, джинсы, лен, дорогой кашемир, шелковое белье... В глубине сиротливо висела косуха. В углу скукожились замшевые ботфорты, потонув в море туфель на шпильке. Высокие каблуки... Она всегда их любила, хотя не нуждалась в том, чтобы прибавить себе роста.

Глянула на себя искоса в зеркало. Некая новая личность... незнакомка. Волосы, распущенные по плечам, длинные ноги. Она похудела. Несмотря на полуторамесячную жару, совсем не загорела на солнце. В последнее время даже сотрудники пресс-службы подмосковного Главка полиции, где она работала криминальным обозревателем, днями и неделями сидели на удаленке, писали статьи дома, отсылая их по электронке, и лишь в экстренных случаях выезжали на места событий.

Многие вещи теперь просто потеряли свою цену, стали не нужны. Шастаешь босая по квартире с закрытыми от солнца жалюзи в шортах и майке и сочиняешь статью о грабеже в особняке в Лайково, совершенном гастарбайтерами, которые не признают ни локдаунов, ни пандемий. Причем пишешь не за столом, а сидя как йог на кровати в спальне,

наклонившись над ноутбуком, потягивая холодную минералку прямо из бутылки.

Катя внезапно почувствовала, что ее снова бросило в жар, хотя квартира, проветрившись, наполнилась целебной живительной прохладой и запахом дождя и реки.

Она вернулась в комнату, с грохотом выдвинула ящик комода — бумаги... свидетельство о разводе. Свобода...

Свобода нужна, чтобы совершать ревизию своего офисного гардероба? Не есть ли то знак высшей бессмысленности нашего существования в этом мире?

И тут вдруг мобильный подал сигнал — пришло сообщение в WhatsApp.

Что-то случилось — так в первый миг решила Катя. И цель появилась — ехать, мчаться куда-то на ночь глядя — наблюдать, участвовать, описывать расследование, собирать материал по горячим следам.

Она открыла мессенджер.

Смотрела на сообщение, пришедшее только что.

Не по работе. Личное.

Отправитель ей знаком.

В их переписке всего несколько коротких сообщений. Первое Катя не удаляла, хотя каждый раз, когда она читала его, ее щеки пылали. Дерзость... А поначалу она вообще восприняла написанное как великую наглость. Но это не было наглостью. Честно говоря, это не являлось и дерзостью.

Отчаянный жест.

Второе сообщение представляло лаконичный диалог. Его ответ — «Не опоздаю ни на минуту».

Это когда они встретились в пустом джазовом клубе и расстались потом надолго.

Третье сообщение пришло спустя четыре месяца. Коротенькое слово...

Катенька...

Она не ответила сразу, ждала, что последует за его обращением к ней. Но снова на месяцы воцарилось молчание.

А теперь новое послание. Катя скользила глазами по строчкам. Стихи Лермонтова. «Сон» — только перефразированный, с иными акцентами...

*Лежал недвижим я...
В полдневный жар в долине Дагестана
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

У Кати потемнело в глазах. Она сжала мобильный. Строчки расплывались. Она начала быстро набирать ответ, сбилась...

Но мобильный колокольчик прозвонил снова.
*И снился мне Сияющий Огнями...
Вечерний...*

Катя посмотрела на сияющий огнями город, раскинувшийся за окнами ее квартиры.

*И жгло меня...
Сидела ты задумчиво одна...*

Тот, кто прислал ей «Сон», задал вопрос:
Одна?

Самого худшего, того, что представилось ей, когда она прочла про «рану», к счастью, не произошло. У нее отлегло от сердца.

На подоконнике ее квартиры с некоторых пор поселился мраморный античный бюст. Продавали его по интернету как стильное украшение для квартир, офисов и лофтов, именуя богом Аресом.

Но Катя сразу дала мраморному воину в греческом шлеме другое имя.

Гектор.

Ее самый любимый герой «Илиады». Кого еще в детстве она так мечтала спасти под стенами Трои.

— Нет, никак нельзя. Мы вас на территорию пропустить не можем. Приказ.

— Но это место происшествия, разве нет? Я криминальный обозреватель пресс-службы Главка Екатерина Петровская, мы всегда работаем вместе с оперативной группой. Скоро и наш телеоператор подъедет.

— Здесь и с опергруппой пока туго, конь не валялся. И какой еще телеоператор? Да вы что?! Нет, мы вас пропустить не можем. Категорически запрещено.

Диалог с неумолимыми патрульными происходил у ворот дома на холме в лесу в подмосковном Полосатово. Место Катя еле нашла по навигатору, вбив туда адрес. Выехать в Полосатово ее попросил шеф пресс-службы, позвонивший утром. Катя как раз открывала припаркованный во дворе ее дома на Фрунзенской набережной свой маленький «Мерседес Смарт», который верно продолжал служить ей. В субботу она планировала приехать в пустой офис пресс-центра в Никитском переулке — в период пандемии сотрудники пресс-службы чередовали дежурство «в присутствии» с удаленкой. В тишине выходного дня Катя собиралась переделать все накопившиеся дела. Однако ее шеф сам позвонил ей.

— Все меняется, Екатерина, — объявил он, выслушав ее. — С делами в Главке я сам завтра разберусь, а ты, пожалуйста, отправляйся в Полосатово прямо сейчас, не откладывая. Там очень странный случай приключился. Они сами озадачены — я звонил в тамошний отдел полиции только что. Их начальник после трех суток дежурства домой уехал, но они его снова вызвали, ждут. В Полосатове сейчас так же скверно, как и везде. Много заболевших среди личного

состава, работать практически некому. А тут, как на грех, странные и зловещие загадки... Если предчувствия меня не обманывают, Екатерина, а ты знаешь — я редко ошибаюсь, это тот еще случай. Особый. Нам, пресс-службе, его упустить нельзя. Но будь крайне осмотрительна и осторожна на месте происшествия. Возможно, тебе там дадут более четкие инструкции, и ты их выполняй.

Однако, пока в Полосатове, где она прежде не бывала никогда, ей не только не дали «четких инструкций», но вообще гнали прочь.

Катя готова была уже сдаться. Она оглядывала высокий деревянный забор, крашенный суриком, — ничего не видно, кроме крыши дома, верхушек деревьев. У забора всего две сиротливые полицейские машины. У ворот со взломанным замком патрульные не просто в полицейской форме, но и в противогазах!

Визг тормозов. У забора лихо остановился огромный «Гелендваген», сияющий черным лаком и хромом. Из него вышел высокий широкоплечий статный мужчина — шатен с серыми глазами, облаченный в строгий черный костюм и белую рубашку (галстук приспущен), и решительно шагнул к патрульным.

Катя замерла. Хотя... что скрывать... она знала, чувствовала, что все скоро случится, возможно, именно так после вчерашнего вечернего...

— Полковник Гектор Боршов. Спецпредставитель и советник-референт Совета национальной безопасности. — Мужчина небрежно вскинул в сторону патрульных не привычную красную «корочку», а новомодный бейдж с гербом. — Вы что за самодеятельность разводите, сержант? Что за маскарад с противогазами? Здесь рядом правительственная трасса, царский поезд и конвой уже в пути, вы сечете серьезность момента? Или мы с вами в детском саду в игрушки играем? А? До-о-оложить обстановку!

— Товарищ полковник, чрезвычайное происшествие. Труп обнаружен на участке домовладения. Странный какой-то... Выставлены здесь в качестве поста, чтобы ограничить доступ на участок. А тут пресса права качает! Лезет! — патрульный, бормоча, кивнул на хранившую молчание Катю.

Полковник Гектор Борщов искоса мельком тоже глянул на нее.

— Пресса? Где? — Тон его резко изменился, этакий тревожно-капризный фальцет, как у булгаковского Фагота. — Вы бредите, сержант? Рядом правительственная трасса, маршрут уже согласован и задействован. Какая пресса, а?

— Да вот же она, перед вами, а я воспрепятствовал!

— Не пререкаться! Чтобы никакой прессы у меня. Под вашу персональную ответственность. А это не пресса, это коллега из пресс-службы подмосковного Главка, пропустить разрешаю только ее одну. — Полковник Гектор Борщов легонько, очень бережно подтолкнул ошеломленную Катю вперед, надвигаясь всей своей массивной атлетической фигурой на оробевшего патрульного, тесня его на участок. — Работает только она здесь без ограничений с полным допуском. Остальных гнать! И я не понял юмора — что значит труп странный?

— Товарищ полковник, я лучше сейчас нашего эксперта-криминалиста позову.

Патрульный развернулся, приоткрыл ворота и ушел. Второй остался на месте. В проеме ворот Катя разглядела ухоженный участок с цветами, дорожками, автоматической поливкой и каменный двухэтажный особняк, выкрашенный охрой.

— Здравствуйте, Катя, — тихо и совсем уже другим тоном произнес полковник Гектор Борщов.

— Здравствуйте, Гек. — Катя обернулась к нему. Они смотрели друг на друга.

Через участок к ним двигалась призрачная белая фигура в маске и костюме биозащиты, какие носят врачи в коронавирусной красной зоне.

— Эксперт-криминалист Павлов, пока в отсутствие начальника отдела, он скоро будет, я за старшего здесь. — Он глянул на бейдж полковника Борщова и сразу стал чрезвычайно деловит. — На текущий момент ситуация следующая: мертвая женщина в саду. Давность смерти около трех суток, причина пока не установлена. Других жильцов в доме нет. Особняк, как мы выяснили, принадлежит некой Гришиной Регине Федоровне. Судя по всему, это и есть погибшая. Обнаружил ее случайный свидетель.

— Ворота грубо взломаны, — заметил Гектор Борщов. — Ваш случайный свидетель — вор-взломщик?

— Студент, сын замглавы Роскомнадзора, ехал на велосипеде на реку. Его насторожили птицы, воронье, кружившее над участком. Он перелез через забор. Ворота мы сами взломали, когда сюда прибыли. И кстати, до правительственной трассы здесь пятнадцать километров.

— Не пререкаться, вся прилегающая к трассе территория обрабатывается на предмет национальной безопасности, — полковник Гектор Борщов и его осадил. — Мы с коллегой из пресс-службы сейчас пройдем на участок и сами посмотрим и оценим.

— Проходите, но встаньте здесь. Ближе нельзя пока. — Эксперт-криминалист повернулся и повел их к дому. Остановился на углу.

— Катя, вы держитесь за мной, ладно? Тут что-то действительно непонятное, — шепнул Гектор Кате.

Словно и не было всех тех долгих месяцев после того, как они виделись последний раз. Как будто они расстались только вчера...

Катя кивнула. Она растеряла все слова. Все случилось так внезапно...

Яркий огненный торнадо ворвался в летний августовский день, в ее новую жизнь...

С усилием она заставила себя сконцентрироваться на том, что открылось ее взору — на удалении стол, покрытый бумажной рваной скатертью. На нем посуда, опрокинутая бутылка вина, бокал, чайная чашка, чайник. Садовые кресла валяются в траве. Маленькая заводь и декоративный горбатый мост. Вокруг пышный цветник, клумбы, розарий. Липы, голубые ели, туи...

Пятна на траве — одни солнечные, светлые, другие — черные. Мертвые вороны, птичьи трупы. Их много. Птицы валяются и на траве, и на декоративном горбатом мосту, и на садовой дорожке.

Чуть поодаль от стола рядом с опрокинутым креслом лежит в траве тело.

И отсюда, от угла дома, его рассмотреть невозможно.

— Студент, что забрался через забор на участок, перепугался так, что даже в полицию сначала не позвонил, ринулся на папину дачу, сел в машину и помчался в частную клинику в Одинцово — сдавать тесты и анализы крови. Только оттуда уже позвонил в полицию. Я с ним потом говорил коротко — он мне кричит, как безумный: это, мол, вирус мутировал, новый смертоносный штамм объявился, — устало доложил эксперт-криминалист. — Вбил себе это в голову парень. До сих пор в клинике на обследовании. Сейчас народ психованный стал, истерит. Но я, когда прибыл, решил сначала вызвать из экспертного управления нашу новую службу биологической защиты, чтобы они отработали все и взяли образцы и анализы на предмет обнаружения неизвестных вирусов и патогенов. Без этого осмотр места и трупа мы производить пока не будем. Надо ждать. Они сейчас уже приедут, звонили мне.

— А что вас встревожило, помимо дохлых ворон? — спросил Гектор Борщов.

— Вид и состояние тела. У женщины я визуально не нашел никаких внешних ран или повреждений. Но на траве и в почве полно крови. И труп весь в ней, засохшей. Погибшая быстро истекла кровью, причем та выступала из ее пор через кожу. У мертвых ворон окровавленные клювы. Да, они всю ее расклевали за дни, пока тело лежало в саду. Однако у некоторых птиц кровь, как я увидел, выступала из глаз... При таких обстоятельствах мы не можем начать осмотр тела и места без обработки противоэпидемиологическим подразделением.

— Грамотно поступили, осмотрительно, — похвалил его Гектор Борщов. — Но, может быть, это не мутация вируса, а яд. Отравление.

— Яд? — Эксперт-криминалист глянул на него, словно и его только что самого осенило.

— Вы в дом покойной не заходили?

— Пока нет.

— Какие-то личные вещи ее обнаружены в саду?

— Шаль, шлепанцы, ее мобильный валялся в траве — я его попробовал включить. Он в нерабочем состоянии, возможно, влага, роса ночная тому причиной. Картина такая — она чаевничала в саду одна, выпивала и внезапно умерла.

— Ворота были заперты?

— Изнутри. И калитка садовая. А дверь дома открыта.

— А почему вы один здесь?

— У нас треть сотрудников в самоизоляции сидит, а треть болеет. Привитые все. Умерших, к счастью, нет. Все, кто есть сейчас в дежурной оперативной группе, здесь. Начальник отдела Блистанов трое суток дежурил, я его опять вызвал из дома, но пока он из Перхушково своего доберется сюда, в Полосатово... И потом, мать моя начальница, наш...

— Как, как вы его назвали?

— Капитан Блистанов. — Эксперт кашлянул. — Он после трех дежурных бессонных суток не совсем адекват. Ему время нужно в форму прийти.

— Соседей опросили?

— Нет, ничего пока не успели.

— Соседями мы с коллегой из пресс-службы займемся. — Гектор Борщов глянул на Катю, стоявшую рядом. — Раз надо ждать спецов биозащиты.

— Тут нет соседей. А обработкой территории правительственной трассы, между прочим, служба ФСО занимается, при чем здесь спецгент — советник Совбеза? — Эксперт-криминалист был не дурак, он начинал хамить.

— Не пререкаться. Вы представляете, кто перед вами? В гробу я видел вашу ФСО. — Гектор Борщов расправил широкие плечи. — В лесу, когда сюда ехал по бетонке, заметил две дачи. Ни фига себе избушки. Туда мы сейчас с коллегой и направимся.

В дачном лесу, пронизанном светом и солнцем, выглянувшим из-за свинцовых туч, тщетно обещающих долгожданный ливень, Катя, замедлив шаг, произнесла четко и звонко.

— Гектор, вы появились эффектно, как в античной пьесе — бог-решала из машины. Троя, как всегда, рулит?

— Не рады мне, Катя? — Он остановился.

— Да что вы, нет, очень рада! — Катя сразу заволновалась, потому что увидела — он и сам взвинчен до предела. Все напускное, весь его стеб и апломб разом исчезли, как только они остались вдвоем — на лесной тропинке, ведущей к соседним дачам. — Я беспокоилась о вас, Гек. Думала...

— Обо мне? Правда? А что вы обо мне думали, Катя? — Он смотрел с высоты своего роста. На лице его очень сложное выражение — радость, мальчишески-отчаянное смятение и одновременно... скрытое, которое, однако, не сдерживается уже ну никак! Никакими железными усилениями воли и самоконтроля, перехлестывает через край, выходит из берегов, сверкая гранями надежды, испуга, решимости, дерзости, счастья, печали...

— Я сильно тревожилась за вас все это время. Где вы пропадали?

— В разных местах, то там, то здесь. А что еще вы обо мне думали?

— Я хотела, чтобы вы были в безопасности. Целы, невредимы, не ранены. И чтобы вы скорей вернулись.

— Куда? В Москву?

— Да! И еще чтобы все стало опять... как тогда в Староказарменске, когда мы вместе расследовали то убийство.

— Катя, я вернулся. Я здесь.

— Но я не понимаю... что вас сюда, на дачи, привело? Вы знаете эту женщину? Погибшую?

— Нет, понятия не имею, кто она, так же, как и вы пока. А как я здесь оказался... — он шагнул к Кате. — Я сюда за вами ехал. Я преследовал вас.

— Преследовали меня?

— Пока ехал, держа дистанцию за вашей машиной, все думал, прикидывал, как вам объяснить свое появление. Решил, что лучше чистую правду сказать. Я ждал все эти месяцы... ну весточки от вас. Мейла, звонка... Надеялся — как мы тогда с вами договаривались... что вдруг потребуется вам помощь моя в чем-то. Но вы крайне независимы и самостоятельны, Катя. Так и сто лет могло еще пройти... А я не в силах ждать так долго. Я должен был вас увидеть. Чтобы все... ну мир окружающий какой-то смысл для меня обрел вновь.

— Вы воевали? То, про что вы тогда говорили, помните? Совсем маленькая частная армия, ЧВК и вы?

— Недолго. Я три месяца в госпитале лежал, когда плановые операции возобновили. И потом еще в частной клинике проходил реабилитацию.

— Вас ранило? — У Кати снова, как и вчера вечером, потемнело в глазах

— Нет, это другое. — Он глядел на нее в упор. Не опускал взор свой долу.

Его освещало сейчас солнце. И Катя, вглядываясь в его облик, искала в нем и прежнее, и новое...

Шлемоблещущий Гектор...

Я Гектор Троянский...

Они не упоминали о вчерашнем. О перефразированном стихотворении «Сон», что он послал ей вечером в мессенджере. Но Катя знала — его послание как фон сейчас, как рефрен в их столь сдержанной внешне и такой скрыто эмоциональной беседе.

— А как вы узнали, что я еду на работу? — Она искренне недоумевала.

— Я не знал про Полосатово. — Он усмехнулся уголком рта. — Утром приехал к вашему дому. А вы вышли из подъезда и сразу к машине — вид такой деловой, строгий, серьезный. Я аж оробел. Пока с духом собирался — вы уже на набережную вырулили из двора. Я рванул за вами.

— Но суббота же, Гек! Выходной, а вы меня у подъезда ждали, как же это... И потом, мы сейчас много из дома работаем. Я вообще никуда не выхожу.

— Вы по субботам и воскресеньям часто утром бегаєте в Нескучном саду.

Катя лишь головой покачала — вот, значит, как у нас дела обстоят... Он за ней следил! Шлемоблещущий Гектор...

— Идиот я, да? Ну, гоните меня теперь в шею. Заслужил.

— Гек, вы неисправимы. Ваше появление и то, как вы сразу всех местных построили... У меня просто слов нет! Но вы же тогда уволились из ФСБ, как же теперь...

— В конторе я больше не служу.

— А документы? Ваш ошеломительный для местных бейдж референта Совбеза? Он настоящий?

— У меня все всегда настоящее. — Он уже улыбался. Это был тот самый прежний Гек — из их общего прошлого, которое еще не окутала тьма, из времени, когда все были живы, а тайное пока так и оставалось тайным, сокровен-

ным. — Катя, вы ведь сюда приехали работать, материал собирать для статьи. А вас не пускали здешние обормоты. Я легонько на них наехал. Зато теперь мы с вами в самой гуще событий. Вы получите сенсационный материал. Для вас работа, как я заметил, всегда на первом месте. Должен я вам как-то компенсировать то наше прошлое дело, о котором вы так и не написали ни строчки.

Катя вспомнила их тайную переписку в мессенджере. Его пронзительное, отчаянное, нежное...

Катенька...

И снился мне Сияющий Огнями...

Вечерний...

Его вопрос

Одна?

Вспомнились ей и его прежние стихи, которые он сочинил для нее сам, выдав за строки убитого боевиками брата-близнеца.

Я позову, но ответишь ли ты?

Подашь мне какой-то знак?

Все это как тайная музыка сейчас, как аккомпанемент. Хотя вслух они обсуждают иные вещи.

— Хорошо, договорились, — очень сдержанно и вежливо ответила на его вопрос Катя. — Давайте побеседуем с соседями Регины Гришиной, если это действительно она там мертвая в саду.

В первом дачном доме, куда они постучались в калитку, им никто не открыл. Дом стоял запертый, с закрытыми ставнями. Участок весь зарос.

А из-за высокого зеленого забора второй лесной дачи им ответил женский голос:

— Что вам угодно?

— Мы из полиции. Несчастный случай с вашей соседкой Гришиной, — объявил Гектор.

— С Региной? А что случилось?

Калитку открыла женщина в возрасте, одетая по-дачному, но дорого и стильно. Узрев Гектора Борщова, столь похожего на блистательного Джерарда Батлера, она не отрывала от него глаз. И не закрывала болтливую язвительного рта.

Глава 5 КЛАДБИЩЕ

— Скончалась? Регина? — Пожилая дама испуганно округлила глаза и всплеснула руками, когда Гектор, представившись и узнав ее фамилию, объявил ей о смерти соседки. — У нее наверняка повторный инфаркт. Первый случился полтора года назад и едва не убил ее!

— Когда в последний раз вы видели свою соседку? — спросила Катя. — Вы с ней дружили, общались?

Дама перевела на нее взор, с трудом отрываясь от созерцания Гектора Борщова, уже пустившего в ход свое врожденное обаяние.

— Мы не особо дружили, мы соседствовали. Мы с мужем не живем на даче постоянно, только летом и ранней осенью. Мой муж работал в первом департаменте МИД. Сейчас мы на пенсии. Регина из нашего, так сказать, круга, она свой дом себе сама заработала. У нее имеется прекрасная жилплощадь на Старом Арбате, но она там не жила, сидела на даче практически безвылазно, восстанавливала здоровье свое. А виделись мы... когда же мы виделись? Вроде не очень давно... не помню точно... Регину я случайно встретила в нашей роще, мы с мужем гуляли на закате, а она по тропинке шла в сторону кладбища.

Дама-соседка так и сказала «прекрасная жилплощадь», а не «квартира». В тоне ее дребезжали ржавые завистливые нотки.

— Вороны кружили над домом, целая стая, — заметил Гектор. — Вы разве не видели черных птиц?

— Здесь лес кругом. — Дама оглядела большой ухоженный участок. — И я не имею привычки считать облака, я постоянно занята. Муж после перенесенного ковида с постели еле до туалета добирается, а сиделка от нас сбежала, мерзавка. Вы сказали, вороны слетелись на участок? Так что же это... она там мертвая лежала?! Не один день?

Они молчали. Дама-соседка испуганно ахнула и прикрыла рот рукой. До нее дошло.

— Боже мой... Регина... бедная... без помощи... Так страшно умереть... Совсем одной... Ну конечно, это сердце. Регина сильно сдала за последние полтора года. Раньше была такая энергичная — за собой следила, постоянно косметолога навещала, красилась то в брюнетку, то в блондинку, хотела пластику делать, по магазинам ездила. Но потом умер ее единственный сын, а сама она от горя схлопотала инфаркт. И все закончилось...

— А чем она занималась? — спросила Катя. — Чем на жизнь зарабатывала?

— Она подвизалась на разных должностях сначала в Торгово-промышленной палате, ну а потом в Министерстве путей сообщения. — Сочувственные ноты вновь пропали из тона соседки. — Она была деловая женщина, самостоятельная. Хваткая. Сама себе заработала за свою жизнь столько, что могла спокойно уйти на покой, жить в своем красивом доме полностью обеспеченной. Однако... смерть сына подкосила ее кардинально.

— У потерпевшей должен быть обширный круг знакомств и общения, — заметил Гектор нейтрально. — Такая умная и наблюдательная женщина, как вы, конечно, составила себе мнение о ее знакомых?

— Регина мне весной, в мае, когда мы с мужем приехали на дачу и я к ней зашла, сказала с горечью, что она затво-

рилась от мира после смерти сына. И пожаловалась, что ее окружают одни шакалы, гнусные алчные люди, у которых ничего святого.

— А кого она могла иметь в виду, как по-вашему? — уточнил Гектор.

— Конечно, свою дальнюю родню, кого же еще? — соседка хмыкнула. — У нее близких родственников совсем нет, но есть две двоюродных сестры. Такие неприятные особы. Одна — старая дева, а вторая замужем. Им, наверное, все теперь и достанется. И ее деньги, и недвижимость.

— У нее дом большой, прекрасно ухоженный участок, как мы видели, — заметила Катя. — Она сама вела хозяйство или у нее имелась помощница?

— Садового дизайнера это я ей порекомендовала еще несколько лет назад. А Регина мне в благодарность весной дала контакты своей домработницы Карлы, она филиппинка. Работающая, аккуратная, без претензий. Я очень ею довольна. Она приезжала к нам на дачи и убиралась у меня и у Регины. Правда, та ее в последнее время приглашала довольно редко. «Убирушка» — так ее Регина прозвала — Карла имеет один большой недостаток, за все годы жизни в Москве она так и не удосужилась выучить нормально русский. Я с ней по-английски объяснялась. А уж как Регина выходила из положения — жестами, наверное. Мимикой.

— Вы не могли бы дать нам телефон вашей филиппинки? — попросила Катя. — Нам необходимо будет с ней побеседовать.

— Сегодня суббота, она как раз здесь, в Полосатове, у Маевичей, их хоромы новые вылизывает с утра. — Дама достала из заднего кармана дачных брюк мобильный, пролистала контакты. — Я Маевичам ее спроворила — сейчас так все передают надежную прислугу с рук на руки, рекомендуют.

Катя записала номер домработницы Карлы.

— Вы сказали, что видели вашу соседку по дороге на кладбище, — напомнил Гектор. — Там могила ее сына?

— Нет, он похоронен рядом с ее матерью на Кузьминском кладбище, в их семейной могиле. Хотя удивляюсь, как она добилась, чтобы его там похоронили, наверное, деньги заплатила, и немалые. — На лице дамы-соседки промелькнула некая очень сложная гримаса, Катя не поняла ее смысла в тот момент. — И у нас здесь нет никакого кладбища.

— Но вы же сами сказали...

— Это ее кладбище, Регины. — Соседка понизила голос. — Поляна в лесу. Она там хоронила всех своих питомцев.

— Питомцев?

— У нее постоянно умирала живность, которую она то и дело заводила в доме. Кошку она взяла из приюта и через пару недель похоронила в лесу, затем взяла в приюте кота. Сдох и он. Потом были еще птицы... Я как-то из чистого любопытства дошла по тропинке до поляны. Неприятное зрелище. Кладбище домашних животных. Они постоянно умирали в ее доме. — Дама-соседка помолчала. — Не знаю, как на кого, на меня это произвело гнетущее впечатление.

— А кого она хоронила в день вашей встречи? — спросил Гектор.

— Она несла в руках обувную коробку, перевязанную ленточкой. Сказала мне, что это ее попугай корелла. У нее были с собой лопатка садовая и секатор. Усмехнулась так криво — вот решила прогуляться... заодно и похоронить милого дружка. Она так назвала птицу. После инфаркта она ходила медленно, осторожничала.

Они поблагодарили соседку, покинули дачу. На лесной дороге Катя сразу вытащила мобильный и набрала номер домработницы Карлы.

Гудки... гудки... А затем шепелявый женский голос ответил: